

ИСТОРИИ

«Усатый зек — это нонсенс» Первое интервью Олега Навального после выхода из колонии

20:54, 30 июня 2018 · Источник: Meduza

Фото: Александр Уткин для «Медузы».

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

29 июня на свободу вышел Олег Навальный — младший брат основателя Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального. Оба они 30 декабря 2014 года были осуждены по «делу „Ив Роше“»⁽¹⁾, только Алексей получил условный срок, а его брат — реальный. Олег Навальный отбывал наказание в ИК-5 в поселке Нарышкино в Орловской области. В колонии он учил английский и испанский, рисовал, переписывался с десятками людей и сделал целый ворох материалов для «Медузы». О том, как прошли эти три с половиной года, Олег Навальный рассказал журналисту «Медузы» Андрею Козенко.

Сыновья Олега Навального — четырехлетний Остап и шестилетний Степан — стоят по бокам от отца и обнимают его за ноги. «Где папа был три года?» — спрашивает у них Олег. «На работе», — отвечает, подумав, старший Степан. «А что папа делал на работе?» — продолжает Олег Навальный. — Я же вам объяснял вчера». Дети окончательно тушуются. «Правильно, — говорит их отец. — Ваш папа три года обеспечивал законность на территории одного отдельно взятого режимного предприятия в Орловской области».

«Удивительно, по каким критериям можно сравнивать меня с Лениным»

— 30 декабря 2014 года, Замоскворецкий суд. Объявили приговор, вас увели наручниках. Что происходило в тот день с вами дальше?

— Очень непонятно было. Ехал в автозаке и думал, что сейчас мне придется танцевать какой-нибудь танец смерти, бороться за шконку. Меня совсем одного везли. В 9:30 осудили, и уже через 40 минут я был в камере в Бутырке, на карантине. Там мне сказали, что уже два дня меня ждали, хотя о переносе⁽²⁾ приговора мне стало известно только за сутки. Главное общее ощущение: не понимаю, что происходит. Жалел, что не успел дочитать книгу «Как выжить на зоне». Очень глупо поступил, что не прочитал ее первым делом, все какими-то другими делами занимался.

— И кого вы там первым встретили? Там же и осужденные, и подсудимые, получается, были?

— Осужденные там были только в хозобслуге. Был один очень странный тип — первый зек, которого я вообще увидел. «Все, Олег, мы тут о тебе уже слышали, — говорит, — молодец. Я вот тоже...» Я говорю: «Что тоже?!» А он говорит: «Я из воронежского народного фронта!» Какой фронт, почему тоже, при чем здесь я?

Выдал мне матрас.

В целом обо мне там уже знали и поэтому относились так — по-добренькому. Почему-то мне сразу сказали: «Ну ты не переживай, Ленин же тоже сидел!»

Удивительно, по каким критериям меня можно вообще сравнить с Лениным. Но они постоянно мне это повторяли, и им сравнение казалось логичным.

— Вы попали туда 30 декабря. Сутки до Нового года, и, наверное, это был очень странный Новый год.

— Очень. Меня в карантине не должны были держать одного. Подняли в камеру, они на том этаже небольшие, на четверых человек. И ко мне подселили зека.

Открывается дверь, а он стоит такой, офигевший, с тазом оливье в руках. У него, наверное, планы были:

с родственниками по скайпу поговорить,

с сотоварищами пообщаться, они там самогон

у сотрудников выменяли. И вот его этого всего лишили:

мало того что забрали и вручили этот оливье, так еще

и прихожу непонятный я, говорю ему: «Здоровенько!»

Мы ели этот оливье, слышали салют, другие зеки шумно праздновали. Да, это было странно.

— А как вам далась резкая смена образа жизни?

Ведь вы же перешли из состояния свободы

в довольно подчиненное положение, и непонятные

**люди дают вам непонятные команды —
а вы обязаны их выполнять.**

— В чем-то да, но ты становишься частью большой игры. За одну сторону в ней играют зеки. Это здесь они — преступники, убийцы, насильники и так далее. А там они — Вася, Петя и Потап, твои друзья и товарищи по несчастью. А за другую сторону в этой игре — администрация. И эта позиционная война ведется разными способами. Одни пытаются заставить других что-то сделать, а вторые пытаются не делать этого.

Конечно, коробит, когда к тебе приходит какой-то хрен с горы и отдает команды: встать, сесть, руки за спину. Нет такого, что чувствуешь себя вечно подчиненным, ты чувствуешь, что в игре.

— Как вы пошли по этапу?

— 17 февраля [2015 года] было решение по апелляции. Нам отказали, только штраф сняли с Алексея. Меня по закону должны были через десять дней этапировать, но не уложились, и только через две недели мы отправились в Орел.

В четыре утра приходят, сообщают об этапе, собирают осужденных, сажают по автозакам и везут на вокзал. Там сажают в такой специальный железный вагон — он разделен на маленькие купе нескольких типов.

— Изнутри железный?

— Ни одной деревянной детали. Обычный узкий проход — чуть поуже, чем в обычном купейном вагоне. И тремя ярусами шконки. Есть большие купе, есть полукупе — просто три шконки с одной стороны. Закрываются эти купе железными решетками. В купе иногда и по 20 человек набивали; люди или стоя ехали или буквально друг на друге. Меня посадили комфортно, выдали черный пледик, я его расстелил и читал «Похождения бравого солдата Швейка». Как раз эпизод про его попадание в тюрьму — было очень похоже.

Останавливались в Серпухове, в Туле; кого-то высаживали, кого-то заводили вместо них. Приехали в Орел, там СИЗО, потом — колония.

**— Я увидел ее в день вашего освобождения.
Не самое оптимистичное место.**

— Первые впечатления такие: очень холодно, мелкий снег шел крупой, и почему-то грачи, которые уже ранней весной вернулись и сотнями над нами летали. Все очень серое, зеки с желто-белыми лицами в черных бушлатах. Антуражно было, печально так. Понял, что попал в очень странное место.

В первое утро нас разбудили в пять часов и сказали, что будет зарядка. И вот мы делаем какие-то рывки руками,

крутим головами, а я все пытаюсь как-то осознать: что вообще происходит? Как не со мной.

— **Опишите типичный день в колонии.**

— В шесть утра играет гимн, дежурные сотрудники или дневальные из осужденных ходят по нашему отряду — помещению, заставленному двухъярусными кроватями — и говорят: подъем! После гимна сначала звучала песня Высоцкого про утреннюю зарядку, а потом какое-то адское техно из 1990-х — 15 минут, абсолютно выбивающие тебя из колеи. По их представлениям это ритмичная музыка, под которую все должны заниматься зарядкой. Зарядкой, понятно, никто не занимался. Непонятно, как законодательно можно заставить ее делать — утвердить перечень каких-то движений, что ли?

Дальше кто хочет — идет на завтрак. Должны все, но на практике — кто хочет. Разве только если проверяющие приедут — могут всех выгнать.

Александр Уткин для «Медузы»

Дальше все идут по отрядам. Эта колония — одна из трех, что ли, в России, где и строгий, и общий режим. В семь утра под «Прощание славянки» зеков выводят на работу. Они идут по длинному узкому коридору из жилой зоны в промышленную — строем, колоннами. Выглядит это как полный [игра-шутер] Half-Life: коридор — метров шестьсот, узко, колючая проволока, прутья решетки торчат.

Но я ни разу туда так и не сходил. Когда приехал, видимо, решили, что будет плохо, если я туда пойду — и оценю условия труда с точки зрения организации рабочего пространства. А там швейное производство — пожарная безопасность, вентиляция. Они думали, что

я увижу это все — и начну движуху. Поэтому почти сразу приехал окулист, сказал, что у меня плохое зрение, а у меня действительно плохое зрение. И мне сделали справку, что я не могу поднимать тяжести и работать на пыльном производстве. Хотя в реальности там полуслепые на том производстве работают.

Те, кто остаются в жилой зоне, просто весь день ничего не делают. Есть часть зеков, которые весь день смотрят телевизор, просто спят. Ходят по какой-то своей траектории.

— Вроде бы днем лежать нельзя — охрана за этим следит?

— Там не такая большая смена, чтобы за всем уследить. К моему приезду подготовили один из бараков — отремонтировали, напичкали его видеокамерами и с пульта следили. Действительно смотрели, чтобы никто не лежал. Ну, точнее, чтобы не лежал я. Иногда гоняли других, грозили, что рапорт напишут.

«Есть прослойка серьезных преступников, но это очень маленькая прослойка»

— Олег, а как из такого довольно привилегированного осужденного вы стали чуть ли

не самым наказываемым в России?

— Что вы, я не был самым наказываемым даже в [поселке, где расположена ИК-5] Нарышкино. А когда начали [наказывать] — я не стал от этого менее привилегированным. Администрация долго не могла понять, чего от меня ждать — огласки местных порядков или неповиновения, а под конец и они привыкли, и я привык. Стокгольмский синдром работал на полную катушку в обе стороны.

А так, я думаю, что все началось с митинга [за сменяемость власти 20 сентября 2015 года], где прозвучало мое обращение. Там была целая история.

Я звонил с таксофона, абсолютно легально.

У администрации есть средства прослушивания, но я постоянно звоню только матери и жене — и там для «большого брата» и кровавого режима все было настолько неинтересно, что они перестали слушать.

Не то, чтобы я выжидал момент, такого не было.

Мы с братом договорились о звонке, я написал это обращение, зачитал его [по телефону] два раза. Первый раз брат сказал: ты как по бумажке читаешь, а надо речь произносить. Я пламенно проговорил эту речь в трубку, сбежались завхоз, его помощники. Ну, думаю, сто процентов пойдут стучать, что я тут ораторством занимаюсь и начинаю свою политическую игру.

Для УФСИН это было абсолютно неожиданно. Они подумали, что раз я говорил по телефону, то значит это был незаконный мобильный — и все нелегально.

Но потом все выяснили. Карьеры нескольких руководителей колонии пошатнулись — и последовало возмездие в виде выдворения меня в СУС.

— Олег, давайте разберемся в аббревиатурах. СУС⁽³⁾, ШИЗО, ПКТ — все эти штуки позволяли вас еще больше изолировать даже в условиях колонии.

— В колониях общего режима несколько условий содержания. Есть облегченный вариант, с поблажками — больше передач, что-то купить в ларьке можно на большую сумму, можно попросить, чтобы тебя перевели на колонию-поселение — вещи такого порядка.

Строгие условия — это когда ты находишься в запираемом помещении. Тот же барак, но охрана его запирает. Там внутри — душевая, кухня, и ты все время находишься с большим количеством людей. Но так как в одной колонии — два режима, то в этом бараке были еще и ПКТ⁽⁴⁾ — камеры с решетками на окнах, двойные двери, есть тумбочка, можно читать.

ШИЗО⁽⁵⁾ — это помещение почти под землей, ты на цокольном этаже, решетки на окнах — вверху. Такая яма, у нас ее называли «кичабур».

— Кичабур?

Ну, от «кича»⁽⁶⁾ и «бур»⁽⁷⁾. Там деревянный пол, бетонные стены, раковина, отгороженный туалет, и на ночь отстегивают кровати и выдают матрас. С утра ты этот матрас отдаешь, а кровать пристегиваешь.

Самая большая разница — это когда тебя отправляют в ШИЗО, то говорят: это на 15 суток, и у тебя сразу останавливается время, ты сидишь и ждешь, когда уже пройдут эти 15 суток. А в ПКТ тебя могут отправить и на два месяца, и на полгода, ты уже обжился — и как у себя дома. Это большое преимущество — распоряжаться временем.

— Осужденные за что туда попадают?

— Основное — если нашли телефон, если нагрубил начальнику, с «вором в законе» заметили, что разговаривал. Там своя шкала, что можно и что нельзя, и к реальным правилам это не имеет никакого отношения, система строится полностью на понятиях. Есть люди, которые по восемь лет в ПКТ сидели. Я вот последние дни сидел с тремя зеками, один из них просидел там сначала год, потом его отправили в [более строгое исправительное учреждение] тюрьму, потом опять — на год в ПКТ, второй — два года на ПКТ сидел. Ну и кто в криминальной семье авторитет себе зарабатывает — такие люди тоже, конечно, часто сюда попадают.

— А вы в итоге сколько раз попадали — и за что?

— Это очень долгий рассказ будет. 50 взысканий, постоянные переводы [с одного типа взыскания на другой] — и не всегда было понятно, за что. Ввиду того, что я эту зону сделал публичной, они меня использовали в каких-то своих играх. Приходят и говорят: плохой зек Навальный, много книг у него, не убрано — в ШИЗО его. Иногда это было связано с активностью Алексея [Навального], о которой я и не знал ничего. В этом случае просто приходили и говорили: тебя велено закрыть в ШИЗО.

Сложно. Для меня все эти три года — это как будто ты смотришь артхаусный фильм, и не всегда понимаешь, что происходит, к чему это может привести — и даже иногда непонятно, кто главный герой.

В итоге я просто перестал нервничать. Все, что ты не можешь контролировать, надо игнорировать — вот я ровно это и делал.

Олег Навальный с женой Викторией

Александр Уткин для «Медузы»

— А другие зеки, кто они? В фейсбуке, который велся по вашим письмам, несколько раз звучало требование освободить человека по имени, кажется, Костя-Могила.

— Толя-Могила! Я прошу, чтобы требование о его освобождении было прописано отдельно.

А так, по моей оценке, пара-тройка процентов осужденных вообще не виновны. Их закрыли силовики по каким-то своим соображениям: бизнес отжимали, просто кто-то поссорился или жена к другому ушла. Процентов семьдесят попали сюда с огромными процессуальными нарушениями. Виноваты, но посадили

их с легким пренебрежением к закону. Некоторые сидят за проступки, за которые вообще непонятно, как можно сажать. Ну, бутылку водки украл. Или влез в неохраняемое помещение, украли две чугунные раковины. А ведь дают за это много — три года, пять. Сидит куча наркоманов, но не продавцов, а обычных потребителей марихуаны, героина или спайса. Есть прослойка серьезных преступников, но это очень маленькая прослойка.

— А Толю вот этого вашего — за что?

— Толик был 17-летним выпускником где-то в Подмоскowie. Пошел после выпускного вечера в кабак, видимо, уже был подшофе. Увидел, что два каких-то здоровых типа кого-то бьют, словом, пьяная возня. Он ввязался, стал заступаться — его начали бить в ответ. Он попытался убежать, даже запрыгнул в такси и крикнул что-то вроде «Шеф, гони!», но они его догнали, вытащили. Он говорит: так получилось, что одного ударил — он упал, второго — тот тоже упал. Вот и получилось, что одного — насмерть, а второй — с серьезными повреждениями. Дали ему пять лет — потому что малолетка.

Он из большой семьи, у него мама — мать-героиня. Они все очень переживают за него, на свидания ездят. Хороший пацан.

— А вообще ваше повседневное общение нормально проходило?

— Да. У меня со всеми хорошая коммуникация. Я никогда не думаю, что тот или иной человек слишком глуп, чтобы не попытаться начать с ним общаться. Ты туда попадаешь, и это — коммуна. Общаешься со всеми.

Плюс всем было интересно, кто я, было много расспросов. В первую очередь, на меня напали всякие пройдохи и аферисты — все слышали фамилию Навальный, а кто это такой — никто там не знает. То ли он депутат или даже олигарх. А я, значит, такой денежный мешок. Поэтому сразу же последовали предложения купить печатку с Петром I, с Чингисханом — причем срочно. Или предлагали поучаствовать в крайне выгодном проекте по созданию сети парикмахерских в Душанбе.

— Как вы пришли к выводу, что главный способ сохранить себя — это любого рода активность?

— Когда меня первый раз посадили в одиночку, и я понял, что сидеть мне так еще три года. И тогда я понял, что сойду с ума, если ничего не будет происходить, а время будет тянуться так же. Составил расписание, добавил туда максимальное количество всего, что пришло мне в голову — языки, спорт. Расписание специально составил так, чтобы не успевать

все делать, ни один человек бы с таким графиком не справился. Это очень подстегивает, и время летит быстрее. Я постоянно не успевал, что-то откладывал на завтра — и время шло быстрее, это работает. Всем... желаю не оказаться в этих местах, но если окажетесь — делайте так.

— И чему вы научились за три года?

— Заочно получил юридическое образование, могу читать по-испански, сейчас чуть приду в себя и найду репетитора по скайпу, чтобы еще и заговорить. Хотел португальский, он по написанию очень похож на испанский, но по произношению совсем другое. Ни одного же носителя языка я почему-то вокруг себя не смог обнаружить, поэтому решил отложить. Был репетитор по английскому, я переписывался с профессором математики из Казани, переписывался с девочкой, которая помогала мне по рисованию — давала задания, подправляла, говорила, что поменять. Так что рисованием я много занимался. Еще оригами. Плюс мне же много писали, и я на каждое письмо отвечал, и это тоже хороший способ провести время. Три часа в день занимался спортом — отжимался, приседал, поднимал 20-килограммовый бачок для питьевой воды.

— Олег, а расскажите про письма с воли, они действительно так важны? Просто я раз двадцать начинал писать вам письмо: «Привет вам, Олег, это

Андрей. У меня все нормально, вот переехал из Москвы в Ригу, тут любопытно...» Ровно в этот момент я представлял себе некое тюремное помещение, где сидите вы, читаете это письмо и думаете что-то вроде: «Значит, в Ригу, поздравляю. „Рад“, что у вас там на воле такая интересная жизнь». И я просто останавливался в этот момент, не знал, что говорить дальше.

— Зря останавливались. Я знаю, насколько тяжело писать такие письма, я сам писал их [режиссеру Олегу] Сенцову, [бывшему губернатору Кировской области Никите] Белых, другим севшим за политику. Да, абсолютно невозможно понять, а что говорить-то им в наших условиях. Отвечать гораздо легче — ты просто комментируешь написанное, желательно с иронией. В результате все тебя любят — говорят: ой, какой он остроумный и веселый.

Так и нужно писать: куда ездил, что видел, интересные статьи, новости. Можно просто поток сознания. И в результате ты хоть немного понимаешь, что происходит не в этом твоём сером мире, а где-то еще. Думаю, любой человек на моем месте чувствовал бы то же самое. Так что жаль, что не рассказали, как у вас там в Риге дела.

«Не доверяйте усатым людям»

— Как вы провели последние дни в колонии?

— Я думал, что это будут очень длинные дни, просто невозможно пережить. Первый и последний день такие — все об этом говорят. Но получилось совсем не так: время пролетело из-за кучи последних дел, плюс было полно судов с администрацией колонии — я же каждое приписанное мне нарушение режима обжалую.

Когда мне вынесли первое взыскание, я им сказал: это обжалую, и все последующие, сколько бы их ни было.

Так что не было суперадреналина. 29 июня местные фсиновцы боялись, что приедет много людей, будет митинг, провокации. И меня выпустили как можно раньше — около девяти утра, хотя обычно около полудня всех оформляют и выпускают.

— Скомканное прощание.

— Да. И они меня еще на четыре видеокамеры снимали: от выхода из камеры до выдачи личных вещей, в том числе двух тысяч рублей.

Последний месяц разве только был длинноват. Меня перевели опять на ПКТ, мы там с двумя ребятами общались. Они рассказывали, как от борсеточников защищаться, а я им — то, что почерпнул из книги «Физика будущего». Нам было интересно.

— Вы написали для наших читателей карточки **«Как сидеть в тюрьме»**. Я думал, вы действительно выйдете, жонглируя двенадцатью алюминиевыми кружками. Но показалось, что вы были ошарашены.

— Было так: все смотрят на меня, все меня снимают. А я непубличный человек, как вести себя и что говорить — не знаю, просто очень хочу уехать домой. Меня приехали встречать друзья и родственники, их хочется обнять, но только не на камеру же — это интимный момент. Потом наконец-то поехали.

— **Что за ритуал вы устроили по дороге?**

— Все зеки говорят, что робу, выйдя из тюрьмы, нужно сжечь, ну вот мы в чистом поле это и сделали. По-моему, очень добрый и правильный ритуал. Правда, она была сделана из какого-то пластика, и не хотела гореть. Жгли ее час. Потом залили водой, чтобы не сжечь поля орловские — и вот тогда уже действительно поехали домой.

— **Как вам первые сутки на свободе?**

— Это выдох, это эйфория. Я чувствую, что эта колония было давно, десять тысяч лет назад. Все, что было там, кончилось без остатка. Я не смотрю задумчиво вдаль, вспоминая ужасы и лишения. Здесь кайфово, отличная погода, меня окружают родные люди. Мы вот

с вами общаемся и едим черешню. От осознания этих мелочей я просто кайфую. А еще я жду, когда приедет жена, привезет бритву, и я смогу наконец-то сбрить эти усы.

Андрей Козенко / «Медуза»

— **Я хотел спросить: вы их и правда оставите?**

— Ужасно надоели. Не доверяйте усатым людям, они вызывают подозрения.

Но это была важная для меня история. Там был такой Афанасьев — начальник зоны, его потом сместили после моей истории с митингом. Я приехал — и мне через

неделю выписали первое взыскание, и стало понятно, что все — не будет УДО, ограничения начнутся. Все плохо. И этот Афанасьев такой: вы должны понимать, куда вы попали. Я от этих слов еще меньше стал понимать, куда я попал и почему это происходит. Начал искать лазейки в правилах внутреннего распорядка. И в одном документе было написано: «короткая стрижка бороды и усов». То есть, получается, усы можно. Я сказал: раз так, значит буду как ZZ Top. Афанасьев очень хотел меня побрить, я сопротивлялся. Он говорил: будем применять физическую силу. Я говорю: ну, применяйте. Они не решились. Представить себе, что они меня будут бить и одновременно брить я все же не смог.

У меня были разные формы усов — как у канадского лесоруба, с бакенбардами. Вот эти свои я год выращивал — они растут вдоль, их можно покручивать. Там нет второго усатого зека. Усатый зек — это нонсенс.

А для меня это был способ почувствовать себя свободным.

— Олег, простите, это жесткий вопрос. Все понятно про колонию, понятно про три с половиной выкинутых года, про политическое дело. Но это не только про вас история, но и про детей. Они оставались без отца — и как им это компенсировать?

— Никак. Да и потерянное в тупую время восстановить нельзя. С этим ничего не сделаешь. Вот с [младшим сыном] Остапом мы только недавно познакомились. Меня посадили, когда ему было десять месяцев, а увидел я его, когда ему было два с половиной, он уже говорил. Сказал: «Здравствуй, а ты мой папа? У меня, значит, двое пап?» Я довольно-таки напрягся, а потом понял! Про меня с детьми дома говорили иногда просто «папа», а иногда «папа Олег», вот он и решил, что это два разных человека. Старший подходит, обнимает, говорит: «Я люблю тебя». Думаю, что это травмировало их, но и катастрофы не произошло: с ними был мой брат, дедушка. Но все равно кто-то должен будет за это подвергнуться возмездия. Я буду строить определенные планы на этот счет.

— Я мотивов всепрощения в ваших словах и раньше не слышал.

— Помню я такой момент. Я сижу и пишу [жене] Вике письмо: если я хоть раз скажу что-то вроде: «Ну ладно, три года прошло, бог с ним, так получилось, зачем же мстить» — ты напомни, как страшно холодно мне было в апреле 2016 года, когда отключили отопление, а потом резко похолодало. Я спал в фуфайке, просыпался от холода. Я обозлился страшно: почему мне должно быть так холодно, если я ничего никому не сделал плохого? Абсолютно точно, если будет возможность, я всех причастных заставлю за это заплатить.

ОЛЕГ НАВАЛЬНЫЙ НА СВОБОДЕ. УРА!

Олег Навальный. Первые минуты на свободе

Пережить тюрьму малой кровью Игра Олега Навального. С иллюстрациями автора!

Олег Навальный на свободе. Фотография

Андрей Козенко

(1) «Дело „Ив Роше“»

Было возбуждено в декабре 2012 года. По версии обвинения, Алексей и Олег Навальные с помощью учрежденной ими фирмы «Главподписка» мошенническим способом нанесли ущерб компании «Ив Роше». Братья говорили, что обвинение полностью сфабриковано, и следствие, а затем и суд, выдают за преступление предпринимательскую деятельность. В октябре 2017 года Европейский суд вынес решение о том, что приговор по делу был «произвольным», а события преступления просто не было.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Приговор по «делу „Ив Роше“»

Судья Замоскворецкого суда Елена Коробченко назначила вынесение приговора на 15 января 2015 года. Однако 29 декабря секретариат суда разослал сообщения о том, что приговор будет оглашен уже 30 декабря. Текст самого приговора в суде зачитан так и не был — судья лишь сказала, что признает братьев виновными, и огласила сроки.

[Вернуться к тексту](#)

(3) СУС

Строгие условия содержания

[Вернуться к тексту](#)

(4) ПКТ

Помещение камерного типа; ШИЗО и ПКТ — это дополнительные ограничения свободы внутри колонии

[Вернуться к тексту](#)

(5) ШИЗО

Штрафной изолятор

[Вернуться к тексту](#)

(6) «Кича»

Жаргонное название штрафного изолятора

[Вернуться к тексту.](#)

(7) «Бур»

Жаргонная аббревиатура — барак усиленного режима

[Вернуться к тексту.](#)